O Gor'kom – sovremenniki.
II

О ГОРЬКОМ— СОВРЕМЕННИКИ

СБОРНИК
ВОСПОМИНАНИЙ И СТАТЕЙ

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

JPK

PG3465
Z8 03

Главлит 11464. Тираж 4000.

Типо-литография им. тов. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

М. Горький

ИВАН БЕЛОУСОВ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ СРЕДИ ЛИТЕРАТОРОВ

С Алексеем Максимовичем Пешковым я познакомился в самом начале 1900 годов на литературных «средах» Н. Д. Телешова в Москве; с писателем же Максимом Горьким я был знаком несколько раньше по его рассказам.

Первые прочитанные мною его рассказы произвели на меня огромное впечатление. Правда, типы, выводимые Горьким отчасти были мне известны по сочинениям писателей-народников — Левитова, Помяловского и многих других; но те же бездомные, выброшенные за борт жизни люди, изображаемые писателями-народниками, у Горького были другие: в них не было зависти, покорности судьбе, приниженности,—они смело боролись с жизнью, они не просили, а требовали своих прав, в них был какой-то особый романтизм...

Я с нетерпением ждал выхода новых книжек, журналов, в которых печатались рассказы Горького.

В то время Горький проживал в Нижнем-Новгороде. Н. Д. Телешов, встретившись с ним там и познакомившись, пригласил его бывать на «средах». Горький изъявил согласие и, как только приезжал в Москву, посещал эти «среды»,—там я и встретился с ним в первый раз.

Высокий, худощавый, с тяжелыми, откинутыми назад волосами, с короткими светло-рыжеватыми усами, опущенными вниз, сутулящийся при походке, одетый в темную суконную блузу простого покроя, в высоких сапогах,—Горький сначала выделялся в нашей среде своим костюмом, то-есть внешностью: мы все одевались по городскому, да еще приезжая на «среды» принаряживались, а он был одет по-демократически.

Говорил Горький неторопливо, ударяя на букву «о»—и этим говором, среди нас—москвичей—выделялся.

Но чем чаще посещал он «среды» и чем больше мы приглядывались к нему,—тем больше узнавали его. Спокойный, уравновешенный он, как-будто, не умел горячиться, вспыхивать, но всегда речь его была красочна, образна и приобретала силу, когда он хотел сказать то, в чем был уверен,—и мы с жадностью слушали его рассказы о скитаниях приключениях и о встречах с интересными людьми, которых он умел изобразить так, что они вставали перед нами, как живые: он умел подметить в них самое существенное, проникнуть в самое нутро.

Эти свойства таланта Горького давали ему возможность всегда верно расценивать людей. Горький не писал критических статей, но всякое проявление талантливости в новом молодом писателе им замечалось.

Так, однажды, приехав на «среду», он заявил, что нашел талантливого писателя.

— Пишет хорошо, но и пьет здорово,—из певчих он,—я вот уехал сюда в Москву, а его оставил на своей квартире, купил ему водки и сказал: сиди и пиши, а зря не болтайся.

— Как же фамилия этого писателя?—спросили мы.

— Скиталец, — так он подписывается, а звать его — Степан Гаврилович Петров, волжанин, способный,—на гуслях хорошо играет и поет,—добавил Горький.

Вскоре Скиталец появился у нас на «средах», но бывал он не часто,—должно-быть где-нибудь скитался,— у нас про него сложилась песня:

Юноша в мире звался Скитальцем,
И по трактирам скитался действительно...

Одевался Скиталец «под Горького» и даже превзошел его в оригинальности костюма: на нем появлялись какие-то пестрые, клетчатые, вроде ковбоевских блузы с галстухами больших размеров и ярких цветов. Мы слышали, что такие блузы и галстухи ему подносили его почитательницы.

В таких костюмах Скиталец появился во всех общественных местах: на литературных вечерах, в театрах, в ресторанах...

Когда Скиталец, женившись на дочери какого-то сибирского богача, уехал с больной женой за границу и, возвратившись оттуда, зашел ко мне, он был одет в костюм альпийца: короткие штаны, длинные чулки, обтягивающие его крепкие, муску-

листые ноги, на которых были надеты тяжелые башмаки, на голове — шляпа с пером.

Когда мы шли с ним по улице, — ребятишки толпой бежали за нами и кричали: «Цыцарец идет... Цыцарец идет...»

Вскоре Горький привез на «среду» еще одного молодого писателя,—у этого писателя был красивый профиль лица, темные, густые волосы, зачесаные назад, одет он был в коричневый пиджак.

— Леонид Андреев, — рекомендую... — И добавил:—Талантливый парень.

Так коротко представил нам нового писателя Горький. После он писал Телешову из Арзамаса, куда Горький был выслан из Нижнего-Новгорода.

«Хочется мне, чтобы вы поближе привлекли к себе Леонида Андреева, славный он, по-моему, и талантливый»...

И Андреев сделался членом «среды» и постоянным посетителем ее собраний.

Все свои произведения, написанные в первый период литературной деятельности, он прочитывал на «средах», на которых было в обычае беспристрастно критиковать прочитанное, — и Андрееву это нравилось:—все, забракованные товарищами вещи, он не печатал...

Леонид Андреев из судебного репортера газеты «Курьер» начал быстро вырастать в большого писателя. Первая книжка его рассказов не только обратила на себя внимание критиков, но произвела большой шум среди читающей публики,—например, против рассказа «Бездна» восстала Софья Андреевна Толстая, и появились статьи в «Новом Времени». И сам Андреев любил в шутку повторять:

Будьте любезны —
Не читайте «Бездны»...

Когда Андреев переселился из Москвы в Петербург и там начал устраивать у себя литературные собрания на подобие московских «сред», мне пришлось присутствовать там при чтении какого-то нового рассказа Андреева. Помню, рассказ читал не сам автор, а А. А. Блок, Андреев сидел в уголке и слушал.

На этом собрании было большинство петербургских писателей: Блок, А. Волынский, Сергеев-Ценский и много газетных работников.

Когда начались дебаты о прочитанном рассказе, Андреев подошел ко мне, отозвал в сторону и сказал:

— Вот, видали,—тут не то, что на московских «средах»,—здесь в глаза—хвалят, а за глаза—ругают,—не по-московски это...

И сам Горький читал свои произведения на «средах», так он прочитал свою пьесу «На дне»...

В связи с этой пьесой следует сказать несколько слов о взаимоотношениях прежних писателей и о существовавших тогда направлениях и течениях в литературе.

Выделялись резко два лагеря—марксистский и народнический: у того и у другого были свои журналы: «Мир божий», а впоследствии—«Современ-

ный мир» и «Начало»,—были журналы с марксистским направлением; другие журналы были с народническим направлением, во главе которых стояло «Русское Богатство».

Я тогда был близко знаком с писателем-народником Н. Н. Златовратским, который, как и все народники, косо смотрел на тех, кто сотрудничал в марксистских журналах, в том числе и на Горького.

Я как-то зашел к Златовратскому, как раз после прочтения Горьким на «среде» пьесы «На дне» и стал рассказывать ее содержание. Из всех действующих лиц, в пьесе Златовратского, видимо, заинтересовал Лука,—старик-народник заставлял меня повторять слова Луки и спрашивал—какое впечатление произвела пьеса на слушателей.

Не знаю—верно ли я тогда обрисовал Златовратскому Луку, только после моего рассказа, Златовратский мягче обыкновенного и снисходительнее сказал: —Ну, что же,—это очень хорошо—и, видимо, переменил свое мнение о Горьком.

Пьеса «На дне», поставленная впервые на сцене Московского Художественного театра, имела огромный успех, она и до сего времени не сходит со сцены.

**
*

Скиталец, до того как Горький ввел его в большую литературу, был сотрудником волжских газет,—писал стихи, небольшие рассказы и фельетоны в стихах. Перед появлением в Москве, он начал

писать крупные вещи,—в то время, когда Горький познакомил его со «средой», он написал повесть «Октава».

Рассказы Скитальца отличались реалистическим направлением, иногда он в этом направлении, как говорится,—«перебарщивал».

Вспоминаю, как, однажды, Скиталец, читал на «среде» свой рассказ, героем которого был какой-то кочегар,—этого героя Скиталец изобразил в самых крайних ультра-реалистических тонах: руки у героя были стальные, мускулы—железные, жилы—словно канаты...

Прослушав этот рассказ, Горький подошел к Скитальцу и сказал:

— Ну, и герой же у тебя, Степан, вышел в рассказе,—словно тигр из мехового магазина... — Так метко в нескольких словах Горький охарактеризовал рассказ Скитальца.

В других случаях он делал такую характеристику писателям:—«Они из енотов бобров делают».

**
*

Если Горький умел иногда бросить крылатую фразу, сделать меткую характеристику, то Андреев отличался еще большим остроумием. Автор мрачных и «страшных» рассказов,—в дружеской компании писателей был необыкновенно весел, находчив и острословен: он давал характеристики писателей в целых рассказах, больше всех от него доставалось Скитальцу.

Вот как Андреев рассказывал про пребывание Скитальца в Крыму:—приехал Скиталец с больной женой в Ялту, наняли дачу. Жене Скитальца врачи посоветовали пить козье молоко: решили купить козу. Пошел Скиталец на базар и купил козла. Делать было нечего,—оставили козла на даче. А козел-то оказался таким озорным,—может, из-за этого его и продали, что от него просто житья не было; забирался на постели, на столы, перебил всю посуду,—сладу с ним не было. Тогда Скиталец решился на отчаянное средство, он переехал на другую дачу, а козла одного оставил в пустой даче...

Или вот что еще рассказывал Андреев:

— Приехал я в Ялту, узнал, что там Скиталец живет, пошел его навестить,—прихожу на дачу и вижу в передней висит его енотовая шуба, зачем Скиталец в Ялту на лето привез шубу,—одному ему известно,—только шуба как была повешена в начале лета, так никто на нее и не посмотрел, и ее всю съела моль. Я заметил, сказал об этом Скитальцу. «Что же теперь делать... вся шерсть вылезла, одна мездра осталась,—пропала шуба»,—пожалел Скиталец. А я его утешил и говорю: это дело поправимое—сходи в аптеку, купи мази для рощения волос и смажь мездру погуще,—вот и все».

И Андреев уверял, что Скиталец принял его совет за чистую правду.

И про многих других писателей Андреев рассказывал в этом же духе и подбадривал слушателей на веселое настроение, даже сам Горький поддавался этому и не прочь был иногда «промыть писательские косточки».

Помню, как он в марте 1905 г., проездом в Крым из Петербурга, где он сидел в Петропавловке за то, что принимал участие в движении рабочих 9 января, заехал в Москву к Андрееву. Собралась «среда». Горького перед этим я не видал довольно долгое время и нашел его немного похудевшим, но бодрым и веселым. За ужином он сидел рядом с Андреевым, который был в ударе, — и шуткам, остротам не было конца, разговор коснулся женщин-писательниц.

— «Мало, мало среди них хороших,—серьезно и деловито говорил Горький, скрывая улыбку под светло-рыжими усами,—они, видите ли, устроены так: внутри каждой из них есть такое зеркало, которое отражает только их самих,—вот они смотрятся в это зеркало и думают, что видят всю жизнь кругом, а видят-то они только самих себя,—это вот и описывают,—хорошего мало... Знаешь что, брат,—обратился он к Андрееву,—вот когда будет всемирная революция, давай с тобой устроим общество «Добрых друзей», наберем компанию хороших молодцов, научим их прикалывать этих самых писательниц и будем платить по целковому за штуку,—как какую приколол,—получай рубль.

— Ну, уж это ты слишком,—теперь все говорят об эмансипации женщин,—возразил Андреев.

— Чтож, я про женщин ничего не говорю, ты меня не понял,—я про писательниц,—глухо отве-

тил Горький и с улыбкой уткнулся в свою тарелку...

Подзадоренный Андреев не унимался:

— А мне Бальмонт прислал письмо из Мексики,—заявил Андреев,—пишет об океане и называет его «нагло-нахальным».

— Чтож, — это мне нравиться, — сказал Горький, — глупость это, мальчишество, а хорошо... Это, я думаю, было так: всю дорогу Бальмонта мучила морская болезнь,—то-есть вот как его перевернула, за мое почтение, — вышел он на берег, ноги расставил, глаза мутные, — ничего не понимает. Увидал на берегу океана трактирчик, — на всех пристанях имеются трактирчики, — пошел, спросил себе полбутылочки коньяку, выпил, посмотрел в окно на океан и назвал его нагло-нахальным...

Помолчав, Горький добавил:

— А вообще Бальмонт талантливый поэт, и если бы из того, что он написал, выбрать небольшую книжечку, — это, доложу вам, была бы штука... Хорошие у него есть стихи,, полезные,—я вот недавно прочитал одно его стихотворение об Амстердаме и все узнал—и людей тамошних и природу, словно сам побывал в Амстердаме... — Не то серьезно, не то исторически закончил Горький.

— Бальмонт искусственно подбадривает себя. — Заметил кто-то из сидящих за столом.

— Что ж, человеку искусства без этого нельзя. Вон Шаляпин рассказывал мне про солиста его

императорского величества — Фигнера. — Горький последние слова произнес с тонкой иронией, — одна поклонница подарила ему серебряную фляжку; знаменитый тенор думал-думал, — что ему делать с этой фляжкой и додумался: приделал к ней какую то трубочку, наполнил фляжку кокаином, привесил к поясу и перед выходом на сцену по этой трубочке пускал в нос кокаину, выходил и здорово пел: «Куда, куда вы удалились»... Это выходит — кокаинистый тенор — солист его императорского величества. — Опять с иронией добавил Горький. Но таким Горький бывал не часто, — в общем же он всегда был серьезен, деловит, хотя всегда прост и доступен.

Характер деловитости и серьезности виден и в письмах Горького, — в них нет шуток, — они всегда строги, обдуманные и иногда даже впадают в поучительный тон. За то письма Андреева резкая противоположность письмам Горького; — у Андреева в каждой строке сквозит юмор, сарказм и ирония. Вот для примера письмо Андреева ко мне из Рима, касающееся Горького:

«... Каким запоздалым, отсталым и даже реакционным кажется твое письмо: — тут — зеленые поля, жаворонки, жгучее солнце, а ты пишешь об елке и о таких безнадежно-зимних лунных пейзажах, как дорогая лысина Серафимовича или нос Вересаева.

Как древний римлянин, я с усмешкой смотрю на вашу варварскую жизнь, — мне смешно, о, вар-

вар с Варварки *). Пойди вытри нос, древний скиф, ты знаешь ли, о, скиф, что я хожу в воротничках... и брюки ношу на подтяжках, отчего они больше не сваливаются. Ты можешь ли представить, варвар, как меня несет от макарони и от прованского масла, — я клоака-максима, а кто ты, Иван. Знаешь ли ты, у нас, у римлян даже имени такого не было, — Иван, — его сочинили Вест-Готы спьяну. И передай все этим вольноотпущенникам и варварам, что я горд нынче, как Тарпейская скала, прекрасен, как развалины бань Каракаллы, непогрешим, как Папа и Горький, умен, как поп Семен. По-итальянски я говорю, как Аванцо и Дациаро [1]), а по стройности только кипарис может выдержать со мной сравнение, да и то не всякий.....

Заходил вчера к нам здешний Папа, — ничего себе старик, — непогрешимый, Спрашиваю я его: — а кто из вас непогрешимее — вы, или Горький, он заплакал и сознался: — прежде я был, а теперь Горький. Да как же это вы, папенька, сдрейфили. — Да так, говорит, до «Русского то Слова» и я мог за себя постоять, и как теперь к непогрешимости Горького прибавилась погрешимость Дорошевича, — так теперь против них разве устоишь. Хочу в «Русское Слово» корреспонденции из Рима давать, а то совсем обеспрестижусь...

*) Варварка — улица в Москве.

[1]) Аванцо и Дациаро — имели магазин художественных предметов и картин в Москве, на Кузнецком мосту.

— У кого же теперь, — спрашиваю, — ключи то от царства небесного.

— Да все у Горького же...

Совсем расстроился старик».

Письмо шуточное, но в нем за шутками скрывается нечто иное, то, что знакомо каждому писателю, вступившему на верхние ступени славы. Хотя про Горького нельзя сказать, что он искал славы, она сама собой вырастала на почве его художественных произведений.

Я заметил, что Горький, при первом своем появлении в Москве, обратил на себя внимание своим костюмом, слишком демократическим по тогдашнему времени, и находились люди, которые говорили, что Горький рекламирует себя, тем более, — этот необычайный для столичных жителей костюм нашел себе подражателей: не говоря о Скитальце, Андреев, Шаляпин нарядились в поддевки русского покроя и натянули сапоги с высокими голенищами.

Тогда всю эту компанию, одевающуюся под Горького, называли «подмаксимками», про нее издатель журнала «Рампа» Л. Г. Мунштейн, подписывающийся под своими стихами псевдонимом «Лоло», сочинил песенку на мотив из Фауста — «На земле весь род людской», где говорилось об этих «подмаксимках» как они появились в обществе для того:

Чтобы мир увидеть мог
Восемь пар смазных сапог...

Но Горький одеваясь по-демократически, ничуть не думал рисоваться, — он носил простую блузу потому, что находил ее удобной для себя, до других же ему не было никакого дела. Он и теперь одевается так же просто, как и прежде. Н. Асеев, посетивший Горького совсем недавно в Сорренто, так говорит в своем очерке *): — «Ходит он в мягких, глубоких кожаных туфлях, на плечах — серая фланелевая рубашка, поверх которой желтый, верблюжьей шерсти жилет с рукавами»...

Последователи Горького вскоре оставили это «ряжение», Горький же, повторяю, остался неизменным, потому что это не было «ряжение», а сознательная потребность.

Когда слава Горького выросла до огромных размеров имя его стало употребляться, как нарицательное имя: — всех босяков называли «Максимами Горькими», товаро-пассажирские поезда железных дорог с вагонами 4-го класса так же получили название «Максим Горький», тогда многие мещанской складки люди стали говорить, что Горький строит себе рекламу, и в то же время эти же самые люди не прочь были при случае устроить ему овацию. Горький отлично понимал это, что подтверждает случай в Художественном театре, куда Горький приехал посмотреть «Чайку» А. П. Чехова. Он сидел в ложе, публика заметила его и во время антракта стала собираться около ложи в коридоре,

*) Журнал «Огонек» № 5, за 1928 г.

сначала несмело вызывая Горького, — он не показывался из ложи. В одном из последних антрактов публика заполнила коридор и даже начала отворять дверь в ложу, все громче и громче вызывая Горького. Тогда он не вытерпел, вышел:—раздался гром аплодисментов, но Горький остановил «поклонников» и обратился к ним с речью:

— «Что же вам от меня, господа, нужно? Просили меня посмотреть? Что же я Венера Медицейская, балерина или утопленник? Ведь идет не моя пьеса, а А. П. Чехова. Не хорошо, господа, — и сам Антон Павлович здесь, в театре».

Мелкие газетчики рады были этому скандалу и долгое время в стихах и карикатурах изображали Горького Венерой, балериной и утопленником.

***

Многие писатели-современники Горького на литературу смотрели, как на ремесло, и как в каждом ремесле работа лучшего мастера расценивалась дороже других — менее способных, так было и в литературе, — гонорар писателя, получившего известность оплачивался по высокой расценке, конечно, за счет других — одним не доплачивали, другим переплачивали, — за таким гонораром писатели гонялись. Но высокий гонорар могли оплачивать только дорогие, то-есть толстые журналы, в них большею частью и встречались имена известных писа-

телей. Дешевые же журналы не могли позволить себе такой роскоши, как приглашение в сотрудники писателей с известными именами. И Горький сотрудничал в толстых журналах. Но, однажды, на «Среде» известный издатель рублевого «Журнала для всех» В. С. Миролюбов убедил Горькоро сотрудничать и у него.

Помню, тогда на «Среде» были Горький, Скиталец, Л. Андреев, Вересаев, Тимковский, Гаеловский и другие писатели, тогда уже вошедшие в известность. Миролюбов начал говорить, что напрасно писатели стараются помещать свои произведения в толстых журналах.

— Кто их читает. Да и много ли у них подписчиков, — пять-шесть, ну десять тысяч, а у меня около ста тысяч, да и журнал идет в самые глухие углы России. Беднота читает мой журнал, — это поймите! У меня вам надо печататься. — Горячо говорил Миролюбов.

Все слушали и молчали. Наконец, Горький сказал:

— Этот длинный Миролюбов прав,—у него надо печататься.

К мнению Горького примкнули и другие писатели, и тогда «Журнал для всех» действительно начал блистать именами сотрудников. А. П. Чехов так полюбил этот журнал, что мечтал сделаться его редактором, если редакция переведется из Петербурга в Москву.

* *
*

В настоящее время Алексей Максимович по состоянию своего здоровья принужден жить вдали от того, что органически связано с его творчеством и его жизнью. Издалека он зорко следит за тем, как здесь у нас творится новая жизнь, а потому все его мысли среди нас, до последних минут не порывает с нами связи.

Сколько писателей и начинающих, и уже сформировавшихся и просто читателей посылало Горькому свои произведения для отзыва, или просило ответа на многие жизненные вопросы?

Я думаю, он таких посылок получал, да и до сих пор продолжает получать, — тысячи. И вот что знаменательно: ни одно письмо не оставлено им без ответа и все, что присылалось, было прочитано. И надо заметить, что Горький не диктует свои письма, а пишет их своей рукой все тем же характерным почерком и с прежней орфографией...

Так велика у этого большого писателя любовь к литературе.

На протяжении более четверти векового знакомства с Алексеем Максимовичем, мне пришлось читать много его писем, адресованных большею частью к начинающим писателям и к писателям самоучкам, к которым Горький, как сам вышедший из низов, всегда относился с большим вниманием. Я читал его письма, писанные двадцать лет тому назад, читал и последние письма, в которых я видел

того же самого Горького, жадного до всего, что касается литературы и общественной жизни нашей страны.

Вот письмо к одному незаметному писателю-самоучке М. А. Логинову-Тихоплесцу, присланное Горьким с Капри от 21 марта 1912 года:

«Уважаемый Михаил Андреевич.

Книги вам будут высланы из Питера. «Звенья» *) еще не прочитал, но часть рассказов этой книжки знакома мне, — читал их в разных изданиях.

Меня очень радует и трогает каждый раз, когда люди «трудовой жизни», подобные вам, не теряют веры в себя и людей и тратят все силы души на работу освобождения ближних из мрака и горя.

Будьте здоровы, не теряйте веры в себя и жизнь, остальное все приложится.

Жму руку А. Пешков».

Что мог почувствовать бедняк, безвестный писатель, получив такое письмо. Как оно окрасило силы этого больного человека, за несколько месяцев до смерти. Тихоплесец умер в одной из московских больниц 6 октября 1912 года.

И не одному Тихоплесцу Горький писал такие ободряющие, укрепляющие веру в себя, письма.

Вот отрывки из письма к другому писателю-самоучке, присланного Горьким в 1908 году:

*) «Звенья» — книга рассказов М. Тихоплесца, изданная в Москве в 1912 году.

«Я уверен, что вам станет ясно, что жаловаться на жизнь людям бесполезно, а гораздо полезнее осуждать людей за порчу жизни, за их черствое и грубое отношение друг к другу, за то, что они так любят сидеть на шее ближнего своего.

Все это будет ясно для вас, если вы займетесь самообразованием и будете больше читать образцовых писателей.

Вы не один и не первый самоучка-писатель, это надо помнить для того, чтобы постараться выдвинуть себя из ряда других, для того, чтобы научиться как можно сильнее, ярче изображать жизнь и мысли рабочего люда.

Не останавливайте ваше внимание только на себе самом и не описывайте только вашу жизнь и ваши мысли, — помните, что сотни тысяч людей живут в положении, подобном вашему и даже много более тяжелом. Старайтесь находить общие стремления и вот их излагайте кратко, сильно и просто. И не жалуйтесь на тяжесть жизни, — жалуются бессильные, а люди, уважающие себя, должны требовать признания за ними человеческого права на свободный труд и на свободную жизнь. Требовать, а не просить, не жаловаться, не стонать, — ибо это дело нищих, которые не должное им требуют, а милостыню просят...

Человек должен уважать себя, должен гордо говорить всем и каждому: — я таков же, как и ты, и имею право жить так же хорошо, такой же полной жизнью, как ты.

Будьте здоровы, относитесь к себе строже»...

Вот еще отрывки из самых последних писем Алексея Максимовича:

«Пишу я вот уже 35 лет, но это еще не значит, что все, мною написанное — хорошо... Ваше мнение для меня дороже мнения профессиональных критиков:—они, ведь, не скажут мне,—почтен ли я тем людям, которые ныне мужественно создают новую жизнь...»

Это письмо прислано одному писателю из народа, пославшему Горькому впечатления от прочтения его последних произведений...

И меня Алексей Максимович в письме от 15-го апреля 1927 года пишет:

«Не знаю как у вас в Москве, а меня здесь многое из современной жизни России и удивляет и восхищает»...

И дальше пишет:

«Очень внимательно читаю молодых литераторов, — хорошие задатки у многих... Пишите о себе побольше, — буду благодарен.

Всего доброго А. Пешков».

Горький с самого начала своей литературной деятельности верил в народные силы и эту веру он сохранил до самых последних дней, и эта вера его оправдывалась: те его герои ранних произведений, которых называли романтическими, сказочными, претворились в живых людей, сделались реальными и творят великое мировое дело. Горький только вспрыснул их живой водой, а ожили они сами. И

этот дух протеста, который Горький будил в униженных и несправных людях, этими людьми превращен в Великую революцию. Как же не радоваться ему—основоположнику этого протеста.

И Горький до последних минут следит, как растет и поднимается тот народ, из низов которого он вышел сам.

Вот его письмо от 28 июня 1927 года к О. В. Анзамиговой, подтверждающее вышесказанное.

«Тяга рабочих и крестьян к литературе, — это одно из крупнейших «положительных» явлений в Советской России; это вполне естественное стремление новой, творческой силы занять «командные высоты культуры». Тяга эта должна расти все мощнее и быстрее, ибо у нас около 12 тысяч селькоров, да, вероятно, и рабкоров не меньше. Сия почтенная армия тоже, из года в год, неизбежно будет разрастаться количественно и выделять из среды своей десятки и сотни молодежи в большую литературу.

Цифры как-будто оглушающие, но если мы вспомним, что у нас 150 миллионов жителей, которые не замедлят превратиться в читателей, так и цифры сразу станут ничтожными».

***

Если Горький в своих письмах говорит: — «Вы должны требовать признания за собой человеческого права»—или «Я имею право жить также хорошо, такой же полной жизнью, как другие», — это

не есть одни только слова, — Горький и на деле всегда был непримирим. Когда дело касалось какой либо несправедливости, или притеснения слабого сильным, — тут он всегда вставал на защиту притесняемого и горячо ободрял его на борьбу с теми, кто, по его выражению, «любит сидеть на шее ближнего своего».

Когда Горький еще не жил в Москве, а только временно приезжал в нее и попадал в нашу литературную компанию, мы от него первого узнавали, где, какие произошли забастовки рабочих, слушали его рассказы со всеми подробностями о том, как подавлялись забастовки царским правительством, сколько было убито, ранено и арестовано, и какие последствия произошли от этого. Нам было известно, что Горький помогал рабочему движению своими средствами, он не раз и к нам обращался за помощью этому делу.

Когда он рассказывал о подвигах забастовщиков, — весь загорался, вдохновлялся и описывал их так, как дозволял ему его огромный талант. Если Горький весь уходил в широкую общественную жизнь, то он также горячо отзывался и на небольшие факты жизни, где видел ту же справедливость...

Вспоминается мне еще один характерный случай: когда я в 1911 году задумал издавать дешевый журнал «Путь» и обратился к писателям —

товарищам по «Среде» поддержать журнал и принять в нем участие; между прочим, я обратился к Л. Н. Андрееву и к Алексею Максимовичу; первый в то время жил в Финляндии, второй — на Капри. В ответ я получил от них письма, совершенно непохожие одно на другое.

Л. Андреев пишет:

«Вот тебе некоторые сведения о Л. Андрееве, он всюду получает тысячу за лист, или рубль за строку и меньше не берет...

Если у тебя журнал маленький, и плаванье ему предназначается небольшое, то на Андреева не траться, — не выгодно, — только гроши потеряешь. Ведь он — подлец вроде Шаляпина: — ну, подумай пригласить Шаляпина дачный театрик с сотней мест,—пропадешь!

Но если будешь настаивать на вещи, не особенно связывая размером, то до рождества он постарается дать»...

Но я, после этого письма, не настаивал ни на какой вещи.

Совершенно в другом роде я получил письмо от Горького с острова Капри от 17 мая 1912 года:

«Дорогой Иван Алексеевич.

Так как газеты платят мне по 50 рублей за сказку, я считаю, что вы должны мне 100 рублей.

Очень прошу вас эти деньги послать Е. Я. Ш-ой в слободу Каренково, Острогорского уезда, Воронежской губ. Эти деньги пойдут одной каторжанке,

почти умирающей от истощения, и я весьма просил бы вас, — будьте добры, поторопитесь послать их.

Желаю всего доброго А. Пешков».

Вместе с этим письмом Алексей Максимович выслал мне две сказки, которые и были напечатаны в журнале «Путь» — в № 2 за 1911 год и в № 4 за 1912 год.

Это письмо Горького ярко характеризует его отношение к людям, пострадавшим от произвола того царского правительства, которое и его считало своим врагом, и которое ему было хорошо знакомо по тюрьмам и высылкам...

Вот все, что сохранила мне память об этом замечательном человеке, ставшим теперь мировой известностью.

ВЛАД. ГИЛЯРОВСКИЙ

У ГОРЬКОГО В НИЖНЕМ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ. — Максим Горький	9
Ал. ЧАПЫГИН. — Беседы с М. Горьким	19
Иван РУКАВИШНИКОВ. — Мои встречи с Горьким . .	29
А. ТРЕПЛЕВ. — Максим Горький на Волге	47
Ян СТРАУЯН. — О человеке и писателе	79
Иван БЕЛОУСОВ. — Максим Горький среди литераторов	89
Влад. ГИЛЯРОВСКИЙ. — У Горького в Нижнем	115
П. СУРОЖСКИЙ. — Первый наш писатель	127
Е. П. ИВАНОВ. — Об А. М. Пешкове и о его городе . .	143
Ел. ВИКТОРОВА. — Горький на Капри	165
Георгий УСТИНОВ. — Светло-серый конверт	183
Вал. ЯЗВИЦКИЙ. — О Горьком, которого не видел . .	195
А. ДЕРМАН. — Академический инцидент	203